

С середины 50-х годов, с началом освоения целинных земель, вся страна каждую осень вставала на дыбы. Целину обслуживали – собирали ее урожай – всем миром, включая сюда и подразделения Министерства Обороны СССР, а также призываемых военнослужащих из запаса.

В начале весны нас, офицеров, собрал на совещание командир отдельного автомобильного батальона майор Реймер Р. Р. Высокого роста, крепкого тело-сложения, немного грубоватый в общении и немногословный, он, по национальности немец, в узком кругу офицеров и прапорщиков так и звался «немец».

– В этом году нам поставлена правительственная задача готовить на базе нашего батальона целинный батальон для уборки урожая в Казахстане! – доложил он. – В связи с этим ставлю правительственную задачу всему личному составу батальона! Приказываю! – и он зачитал нам приказ, по окончании чтения которого поставил задачу начальнику штаба довести приказ всем под роспись. –

Нарушение приказа есть уголовное преступление! – сказал он в назидание.

Для меня такое мероприятие было впервые. Я не знал еще, какой титанический труд и какая ответственность легли на плечи всех, в том числе и на меня.

Организационный штат целинного батальона спустили сверху. По этому приказу я назначался командиром целинного взвода. Это значило, в мое распоряжение поступали двадцать три водителя с машинами для перевозки зерна и отделение в составе трех человек с машиной материально-технического обслуживания взвода. Все начиналось с чистого листа. Пока формирование батальона шло на бумаге, мне казалось, что все просто и легко. Совещания, беседы, документы, одним словом, шла организационная работа.

В начале апреля нам было выделено отдельное место под практическое формирование целинного батальона. Тут все и началось. Нас выбросили в чистое поле. Хоть и была весна, но холода стояли зимние. Мы расчищали места под палатки штаба, личного состава батальона, столовой, технической зоны, складов. На расчищенное место ставились военные палатки различных модификаций, готовились в них настилы, ставились печи для обогрева, заготавливались дрова. В технической зоне сосредотачивалась различная техника повзводно, готовились площадки и эстакады для обслуживания машин. Проводилась экипировка личного состава срочной службы и офицеров. Постоянно проводились строевые смотры личного состава и техники, с определением степени их готовности. Накапливались запасы продовольствия, горюче-смазочных материалов, вещевого, технического и другого необходимого имущества для работы в полевых условиях автономно. Проводился большой комплекс практических мероприятий по подготовке людей и техни-

ки к выполнению задачи. Осуществлялась воспитательная и партийно-просветительская работа с личным составом.

Все готовилось для безотказной и с максимальной отдачей работы на целине по выполнению Постановления Правительства СССР.

При этом с нас не снимались обязанности по основной должности. Пребывание на службе стало неограниченным по времени.

Как только целинный городок был готов, его заселили солдатами, прапорщиками, офицерами – будущими участниками уборки урожая. Остальной контингент личного состава прибывал по мере надобности, после выполнения задачи убывал к постоянному месту службы.

Командиром нашей целинной роты был назначен капитан Симерников А. А.

С опытом работы командиром роты, спокойный, уравновешенный, годами под сорок, немного полноватый, он заботился о своих подчиненных. Он был штатным командиром роты у нас в батальоне, и так, всей ротой, мы были включены в состав целинного батальона.

– Рыков, ты самый молодой у меня в роте командир взвода! Ты учишься у других, не стесняйся, или обращай ко мне по всем вопросам! – говорил он мне.

К нему офицеры батальона обращались не по уставу, а по имени и отчеству. Ему такое обращение нравилось. Но не был этим доволен командир батальона.

– Капитан! Научи всех обращаться к себе по уставу! – приказывал ему комбат, но уставное обращение к нему так и не прижилось.

– Алексей Алексеевич! У меня есть свой новаторский план подготовки взвода к целине. Читать будете? – обратился я как-то к командиру роты.

– Нет! – спокойно ответил он. – Читать я твою ерунду не буду! Есть общий план подготовки, вот работай по нему и ничего не выдумывай! Тоже мне, новатор нашелся!

Я на самом деле разработал свой тщательный план подготовки личного состава и техники взвода к уборке урожая и, когда от него отказался командир роты, я тихонько стал воплощать его в жизнь самостоятельно. Работал я со взводом в полном смысле день и ночь. Меня в таком новаторстве поддержал заместитель командира роты по технической части старший лейтенант Кучеренко В. И. В моем взводе дела пошли в гору, и это заметили в управлении батальона.

Командир роты заметил наши успехи во взводе и однажды пригласил меня в свой кунг, где он работал с документами и жил.

– Доставай свой план! Буду изучать! – попросил меня ротный.

– Алексей Алексеевич, теперь это секрет! Я хочу быть передовиком социалистического соревнования в батальоне! – ответил я.

– Награды все равно будут получать другие! – заметил он. – Ты молод и на тебя никто ставку не делает. Многого ты не знаешь, а едешь ты на целину мальчиком для битья! На тебя будут сваливать все шишки, учти это! Так что – давай свой план!

– Пожалуйста! – я достал толстую тетрадь.

– А теперь иди работай, да помалкивай, о чем я тебе тут говорил. Это политика, брат! – сказал он.

Откровение командира роты меня поразило. Я не мог поверить, что все так устроено в жизни, что кто-то может воспользоваться плодами труда другого человека, что есть какие-то «мальчишки для битья», и что эта роль уготована мне. «Нет, я им покажу, кто такой Рыков, лишь бы здоровье не подвело. План мой верный, главное чтобы командир роты его не озвучил для всех в роте и батальоне!» – закусил я удила.

Работа по подготовке батальона к уборке урожая продолжалась, суэта, совещания, разносы начальства, а сроки готовности поджимали и напряжение среди командиров нарастало.

Однажды командир роты пригласил меня снова в свой кунг.

– Чай будешь? – спросил он.

Я понял, что разговор будет основательным и длинным.

– Да! – ответил я и сам же начал готовить чай для двоих.

– Понимаешь! План твой оригинальный, но есть «но». Успех будет только тогда, когда ты будешь со взводом дислоцироваться на целине как самостоятельная единица, автономно. А тебе, молодому командиру взвода, никто самостоятельности не даст, в крайнем случае, будешь при командире роты, то есть при мне! Там все будут драть задницу и работать на себя! Там деньги, награды, повышение по службе! А кто ты? – начал разговор Алексей Алексеевич.

– А Вы, Вы сможете мне помочь? – спросил я напрямую.

– Да, не простой ты, как кажешься всем. А если провалишь все дело, а я за тебя заручился, что будет со мной? – усмехнулся он.

– Уволят! – в шутку ответил я.

– Все вы мне только этого и желаете! – так же в шутку сказал он.

Так мы проговорили более часа и разошлись, казалось, ни с чем.

Батальон готовился к главному строевому смотру комиссией армии, областными работниками, представительством военного округа.

День смотра выдался солнечным и теплым. Смотр начался в одиннадцать часов. Мы все до невозможности устали. Я с нетерпением ждал своей очереди. Наконец комиссия подошла к моему взводу.

Обращаясь к командиру батальона, один из полковников комиссии спросил:

– Взвод придан?

– Нет, батальонный! Он в батальоне лучший! – ответил комбат.

– Кто командир взвода? – спросил полковник командира роты.

– Да вот он, лейтенант Рыков! – указал на меня ротный рукой.

– Лейтенант? – удивился полковник. – Но на целину берут на звание выше! Заменить!

– Некем, товарищ полковник! – ответил комбат.

– Кто будет его курировать на целине? – спросил полковник.

– Я, командир роты! – неожиданно заявил командир роты.

Его слова прозвучали так неожиданно, что удивился даже комбат. И только приказал командиру роты:

– Семерников! От Рыкова не отходить ни на шаг!

На этом смотр закончился. Я обрадовался тому, что командир роты, наш Алексей Алексеевич, поверил в меня. «Утром мы нос всему батальону!» – стал думать я. С еще большим увлечением я продолжил готовить взвод к работе на первой для меня целине.

Подготовка батальона подходила к своему завершению. Каждый взвод готовил колючки для крепления машин на железнодорожных платформах, вязальную проволоку, гвозди, шанцевый инструмент. В батальоне прошли партийные и комсомольские собрания, коллективами были приняты планы социалистического соревнования.

Я со взводом тоже провел собрание. Во взводе два отделения было сформировано из солдат срочной службы, мои подчиненные штатного взвода и одно отделение из приписного состава из гражданки, так называемых в народе «партизан». Это были мужики в возрасте. Они были оторваны от привычной жизни, работать особо не желали и мечтали просто провести время. Поначалу они меня не воспринимали как своего командира. С солдатами, которые были за меня, мы предупредили их – если что, пеняйте на себя.

Как именно мог я их заставить пенять на себя – да только дисциплинарно и материально. Но я придумал более жесткие меры.

А вообще мой план подготовки взвода к уборке урожая состоял в четком, продуманном планировании всех мероприятий по подготовке личного состава и техники к выполнению задач. Ежедневное планирование работ, обеспечение их выполнения, контроль и оказание помощи, ежедневное подведение итогов работы. Для каждой машины был составлен свой план работы, как и для каждого солдата взвода. Я написал письма всем родителям моих солдат с просьбой повлиять на них, настроить их на выполнение плана уборки урожая. Это принесло мне положительные результаты. Солдаты этим гордились, что у меня с их родителями идет личная переписка, и они не подводили меня.

Началась погрузка техники на железнодорожный эшелон, сбор полевого лагеря и загрузка в машины. Каждый взвод грузился на железнодорожные платформы, закреплялись машины, грузилось имущество. Погрузка продолжалась двое суток. Солдат разместили в общих вагонах, офицеров и прапорщиков – в купейных. Я попросился ехать вместе с солдатами. Такой поступок их удивил и обрадовал.

В пути до места назначения станция Караганда эшелон находился шесть суток, преодолев расстояние более пяти тысяч километров. По пути нам удалось искупаться в Байкале. Этот случай был для меня единственным. Больше мне купаться в этом легендарном море-озере не довелось.

После разгрузки эшелона батальон распределялся поротно и повзводно в места дислокации. Ко мне подошел Алексей Алексеевич и сказал, что ему удалось убедить комбата, чтобы он позволил моему взводу работать и жить самостоятельно. Он показал на карте место нашей дислокации.

– Смотри мне, Рыков! Трое суток тебе на обустройство – и... – сказал он.

– Есть, командир! – радостно ответил я.

Марш до места дислокации, до поселка Коргалжин около озера Тенгиз Карагандинской области, моя колонна из двадцати пяти машин совершила без происшествий.

Остановились в чистом поле, куда ни глянь – только степь и горизонт. За трое суток мы обустроились. Были поставлены палатки под жильё, автопарк, столовую, оборудованы места под умывальники и туалеты. Были выполнены все требования в соответствии с руководящими документами по обустройству полевого воинского лагеря.

На четвертые сутки прибыл с проверкой командир роты.

– Рыков! У тебя, как у заправского командира, все получается! – заметил он после проверки и пошутил: – Не к добру это!

– Так учили! – ответил я.

По моим предположениям, мы прибыли на целину раньше назначенного времени. У нас в запасе было еще дней шесть.

В один из дней командир роты прибыл во взвод вновь.

– Рыков! Комбат поставил задачу перевезти коров из поселка в Целиноград! – распорядился он.

– Живых? – переспросил я.

– Не мертвых же! – фыркнул ротный.

– Понял, а приказ? – переспросил я ротного, так как в соответствии с приказом выше, машины были предназначены исключительно только для перевозки пшеницы.

– Понимаешь, Рыков, надо! Руководство совхоза попросило комбата, а твой взвод стоит ближе всех! – сказал ротный.

– Ну, вот и первые шишки приехали ко мне! – вспомнил я слова командира роты еще при подготовке к целине.

На следующий день прибыли рабочие совхоза. Я выделил десять машин. Полдня мы загружали коров в машины – по три в каждый кузов. Потом пообедали и часов в семнадцать выехали в сторону Целинограда. Двигалась колонна машин со скоростью сорок километров. Я понял, что в город мы приедем ночью, и решил заночевать около озера Тенгиз, а рано утром продолжить движение. Совхозные работяги со мной согласились. Мы расположились на берегу, напоили коров, поужинали сами. Спала жара, мы с солдатами искупались в озере и стали располагаться на ночлег в машинах. На улице совсем стемнело. Вдруг с неба прямо на озеро прилетел какой-то шар, раздался хлопок и раскрылся парашют. Что-то круглое упало в озеро и это круглое почти полностью накрыло парашютом. Через какую-то минуту в шаре открылся люк и кто-то крикнул в нашу сторону:

– Ребята! Помогите!

Мы выбежали из машин и, растерявшись, ничего сначала не поняли.

– Кто такие? – громко закричал я.

– Мы космонавты! – ответили из шара.

«Вот как повезло нам и не повезло космонавтам!» – подумал я.

И вдруг в черном небе все загудело и быстро стало приближаться к нам. Заревели коровы. Многие из их сорвались с привязей, начали из машин выпрыгивать. Кого спасать, людей в озере или разбегающихся коров с машин! Не успели мы сделать ни того, ни другого, как все вокруг осветилось. Сверху нависли вертолеты. На машинах примчались какие-то военные и стали нас гнать прочь.

– Что случилось? – стал я спрашивать приехавших военных.

– Всем покинуть место, всем! – кричал один из военных.

– Да что случилось? Я старший! – кричал я.

– Космонавты приземлились! Будем их эвакуировать! – наконец кто-то объяснил мне. Любопытство нас настолько захватило, что мы забыли про наших коров.

Через три часа все улеглось, космонавты улетели вместе с военными на вертолетах, спускаемый аппарат загрузили в спецмашину и увезли. И только после всего мы вспомнили о коровах.

«Мне крышка!» – подумал я, – «Если коров не найду и не доведу всех в сохранности, комбат уволит ротного и меня!» – с этой мыслью провел я остаток ночи.

Лишь чуть рассвело, мы бросились считать коров. Не хватило пяти. Где их искать в степи, не знали ни я, ни совхозные работяги. Делать было нечего – надо было доставить к месту хотя бы оставшихся. Я выстроил свои машины с коровами в колонну и уже был готов дать команду начать движение, как солдаты на горизонте увидели наших беглянок. Радости не было конца. Но как их поймать и загрузить? На мое счастье, они убежать и не думали. Их обвязали веревками и на руках занесли в кузова – грузили сначала передние ноги, а потом кто веревками из кузова, кто сзади затащили. Я чуть не поседел. Только и подумал: «Бог меня не оставил!».

К вечеру мы вернулись, помыли машины и были готовы к перевозке зерна. Работяг я предупредил, чтобы молчали о происшедшем. Они пообещали молчать. По рации я доложил командиру роты, что приказ выполнен. Через сутки прибыл командир роты.

– Комбат тобой доволен! – сказал он мне и добавил, понизив голос: – Всем надо молчать, а то ему достанется от начальства. Понял? Я на тебя надеюсь!

– Все будет хорошо, Алексей Алексеевич! – заверил я.

Началась «битва» за урожай. Куда ни глянь, всюду колосилась пшеница. Переливаясь на ветру золотыми волнами, она казалась уходящим за горизонт бескрайним морем. Крупные колосья налились ядерным зрелым зерном, тянущим их книзу. Качаясь на ветру, это золотое море издавало шорох, чем-то похожий на шорох морских волн. И была еще в этом шорохе просьба к нам быстрее собрать урожай. Возьмешь колос в руки, потрешь в ладонях, и вот он, в твоих руках – хлеб. А хлеб всему голова, как говорится в народе. Откуда ни возьмись, наехало народу, комбайнов, другой техники.

Задачей моего взвода была возить зерно от комбайнов на зернопункт в город Целиноград. Маршруты мной с водителями были изучены заранее.

Водители-солдаты и «партизаны» оказались предоставлены самим себе. «Битва за

урожай» шла днем и ночью. И где были водители, в каком состоянии была техника, уследить мне было трудно. Я в прямом смысле мотался от комбайна к комбайну, на трассу, зерновой пункт Целинограда, чтобы видеть своих водителей и знать их состояние и состояние машин.

План по перевозке пшеницы взводом не только выполнялся, но и перевыполнялся. Дело было в том, что еще при подготовке машин я придумал новшество, о котором говорилось выше. На машинах ЗИЛ-130 были поставлены дополнительные листы подпрессорников, следовательно, можно было перевозить больше груза в кузове, при наращенных бортах. А на машинах ЗИЛ-157 нарастили борта на тридцать сантиметров выше, что позволило в полтора раза увеличить грузоподъемность машин. За каждый выполненный рейс моими водителями сдавалось зерна значительно больше, чем в других взводах. Учет велся по всем показателям четкий: от использования горюче-смазочных материалов на тонно-километры и до сданного количества хлеба в каждом взводе. В результате мой взвод по выполнению плана, воинской дисциплине, другим показателям вырвался в соцсоревновании не только вперед в роте, но и во всем батальоне. К нам стали ездить корреспонденты, высокое начальство, о нас стали писать в местных газетах, хвалить на совещаниях, ставить нас в пример.

Командир батальона дважды приезжал во взвод лично, проверял жизнь и быт взвода, документацию, беседовал с водителями.

– Лейтенант! – обращаясь ко мне, спрашивал комбат. – Чудо прямо какое-то! Откуда ты такой взялся? Далеко пойдешь! – сел в машину и уезжал.

Частенько комбат присылал в мой взвод нерадивых «партизан» на перевоспитание, а перевоспитанных забирал в другие взводы.

А проблемы во взводе были, но коль мы стояли автономно, о них мало кто знал. Водители «партизаны» изредка выпивали, продавая аккумуляторы и запасные колеса с машин местному населению. Со своими сержантами срочной службы я жестко реагировал на такие действия «партизан». Снимали с машин, держали в отдельной палатке связанными, проводили жесткую воспитательную работу.

Были случаи, когда «партизаны» пытались меня задавить, бампером машины придавливали к стене здания, угрожали по приезду в Свободный убить.

Однажды во взводе перевернулась машина на трассе Караганда–Целиноград, водитель остался живой, но машина пострадала сильно. Это случилось ночью, уснул водитель за рулем.

«Все, теперь посадят меня, закончилась моя офицерская служба!» – с этими мыслями я метался по автомобильному парку, не зная, что делать.

Первыми на место аварии прибыли мы из взвода с машиной технического обслуживания. Подняли машину и утащили в Караганду. Нашли автобазу, где машину восстановили за неделю, никто ее отсутствия не заметил.

«Спасибо, Господи! Пронесло!» – молился я в душе.

К концу уборочной водители стали уставать все больше и больше, им нужен был дополнительный отдых, но был план и его надо было выполнять. В прямом смысле шла битва за урожай. Машины стали чаще выходить из строя, и личный состав отделения технического обслуживания работал круглые сутки.

Но настал, наконец, день, когда все работы прекратились. Взвод замер. Наступила полная тишина, как будто все умерло. Передышка была недолгой, и все закрутилось вновь. Взвод стал готовиться к совершению марша к железной дороге. Собрали за короткое время полевой лагерь, и колонна машин двинулась к железной дороге грузиться на платформы. На станции собрался весь батальон. Руководство области и командование устроили митинг прямо на рампе погрузки техники на платформы. Благодарности, подарки личному составу за успешно выполненную задачу по перевозке зерна первого года десятой пятилетки в счет нового казахского миллиарда тонн хлеба государству. Подвели предварительно итоги социалистического соревнования. Взвод под моим руководством занял первое место в батальоне и вошел в пятерку лучших по всей опергруппе, работающей от Министерства Обороны по перевозке зерна в Казахстане. Меня обнимали друзья, жали руку руководителя Целиноградской области, генералы хлопали по плечу со словами благодарности. Меня лично благодарил секретарь Целиноградского обкома КП Казахстана Н. Кручина.

– Молодец, воин! Спасибо тебе! – пожимая мне руку, сказал он.

Подошел ко мне и командир роты, по-отцовски обнял и тихо сказал:

– Молодец, Алексей! Орден за целину тебе обеспечен! Я тобой горжусь, ты меня не подвел!

– Алексей Алексеевич, спасибо Вам за помощь и оказанное мне доверие! – ответил я.

Уже находясь в эшелоне, я все время думал, сколько же потрачено денег государством на уборку урожая батальоном, прибывшим с Дальнего Востока. Дорого обошелся хлеб государству. Но кто тогда считал деньги...

Воинский эшелон вез нас на Дальний Восток. Вымотанные, уставшие за лето люди, впервые участвовавшие в выполнении государственной задачи на целине, ели и спали, спали и ели. Я с гордостью и чувством выполненного долга ехал в вагоне с офицерами, полностью доверив личный состав взвода своим сержантам.

Они меня не подвели. Дисциплина во взводе на пути следования эшелона была на высоте. Прибыли на место постоянной дислокации батальона, разгрузили эшелон, все разместили по своим местам. Накануне праздника Седьмого ноября прошло торжественное собрание батальона. К этому времени пришли награды для личного состава батальона, участвовавшего в уборке урожая. Офицеры и прапорщики в парадной форме одежды выходили на сцену за наградами и благодарностями.

Я сиял, помня слова командира роты о награждении меня орденом. Улыбка не сходила

с моего лица. Я ведь первый. Но награждение орденами закончилось, закончилось и награждение медалями, а мою фамилию никто не объявлял.

«В чем дело?» – думал я про себя. – «Что случилось?»

Я смотрел на командира роты, он в недоумении на меня, пожимая плечами.

Награжденные жали друг другу руки, радовались.

Наконец назвали мою фамилию.

«Вспомнили!» – заулыбался я и вышел на сцену.

Командир батальона зачитал текст:

– «... Награждается Почетной грамотой Целиноградского обкома КП Казахстана с вручением бронзовой медали ВДНХ!» Поздравляю!

У меня от недоумения раскрылся рот.

«Наградили не участвующих, наказали невиновных!» – подумал я, стоя растерянный на сцене. И уходил я со сцены, будто оплеванный. – «Вот она какая, жизнь в реальности, а не та, что в газетах и по телевизору!» – стучало у меня в голове.

Долго мне сочувствовали друзья, командир роты. Однажды под Новый год ротный подошел ко мне и сказал:

– Помнишь, я как-то тебе говорил перед целиной о том, что ты еще молод и награды будут получать другие?

– Да, командир, помню и запомню это навсегда! – с грустью сказал ему.

– А в списках ты был на награждение орденом «Знак Почета». Вычеркнули! – заключил он.

Мы обнялись с ротным в знак полного примирения. Этим он дал понять, что от него многое не зависит. Мы выпили по бокалу вина, мне стало приятно от доброго отношения ко мне со стороны ротного и других офицеров и прапорщиков. С моего сердца упал камень затаенной обиды. Моя военная жизнь продолжалась. Впереди у меня было еще много падений и взлетов по службе, награждений орденами и медалями, но этот случай мне запомнился на всю мою жизнь.